

Т. П. Тетеревлева

ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ШВЕДСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XX ВЕКА: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

Участие в трансатлантической эмиграции стало важной страницей в истории всех стран Северной Европы, в частности Швеции.

Массовая трансатлантическая эмиграция из Швеции, начавшаяся в 60-е годы XIX века, продолжалась сравнительно короткий временной промежуток — 45 лет. Шведский историк К.-Г. Хильдебранд поделил этот период на три пятнадцатилетия:

- 1) начальный (1864–1878) — чуть более 200 тыс. человек;
- 2) апогей (1879–1893) — общее число эмигрантов, покинувших Швецию, составило почти полмиллиона человек, или 34 500 чел. ежегодно (0,75 % от общего числа жителей);
- 3) завершающий (1894–1908) — 230 тыс. человек¹.

К 1910 году каждый пятый швед жил в США, если считать первое поколение эмигрантов и их детей².

Неудивительно, что столь массовый исход практически сразу же после начала стал объектом пристального внимания журналистов, писателей, политических и общественных деятелей, научного сообщества. Это привело к складыванию огромного массива художественной, публицистической, а затем и исследовательской литературы, посвященной эмиграции из Швеции и шведским эмигрантам в Америке.

Обширная историография трансатлантической шведской эмиграции представляет собой интересное поле для исследования не только изменяв-

шихся теоретических подходов при изучении истории эмиграции и диаспоры и, как следствие, трансформаций в выводах и оценках. Гораздо более важным представляется изучение проблем соотношения и смены исторических нарративов, взаимодействия, взаимовлияния и диалога разных историографических культур при изучении таких транснациональных и трансграничных феноменов, какими являются эмиграция и диаспора.

Изучение феномена массовой эмиграции в самой Швеции началось на рубеже XIX–XX веков. Самым знаменательным событием в шведской историографии этого периода стало знаменитое многотомное «Исследование эмиграции», подготовленное под руководством профессора Сундберга и увидевшее свет в 1907–1914 годах³. Его справедливо признают блистательным вкладом (может быть, одним из лучших, внесенных национальными историографиями) в изучение истории трансатлантической эмиграции, особенно ее причин и условий. После этого публикации стали редкими, отчасти потому что конкурировать с этим трудом казалось невозможным. Значимость этого труда сложно переоценить не только в содержательном, но и в концептуальном плане, поскольку он во многом predetermined философию, методологию и методику создания «нарративов метрополии» об эмиграции и диаспоре.

Одной из главных черт этого нарратива стало восприятие и описание эмиграции как национальной драмы, своего рода «истории утрат». Исследователей эмиграции волновали два вопроса: каковы были потери, которые понесла Швеция; как и почему стало возможным, что страна потеряла столько своих сыновей и дочерей? Этот подход был естественным, например, для авторов «Исследования эмиграции», особенно учитывая тот факт, что многие из них придерживались довольно радикальных взглядов на социальные проблемы и, вероятно, надеялись, что их труд может способствовать проведению в Швеции серии реформ.

Это привело, в частности, к тому, что исследователи обращали внимание на те стороны шведской жизни, которые, по их мнению, требовали реформирования, но далеко не всегда оказывали прямое влияние на характер, масштабы и динамику эмиграции. В то же время они были не слишком заинтересованы в изучении самого хода и механизма эмиграции, способов ее организации и непосредственных мотивов выезда. Еще в меньшей степени метрополию на этом этапе интересовала жизнь эмигрантов за пределами родины. Таким образом, в историографии метрополии складывается *националистский подход* к изучению истории трансатлантической эмиграции.

Массовая эмиграция разделила на метрополию и диаспору не только сам народ, но и его историю и историописание. Чрезвычайно важным представляется тот факт, что создание шведского исторического нарратива отныне стало вестись не только в самой Швеции, но и за океаном. Его оформление на американском континенте стало частью ответа на вопрос, ставший для иммигрантов одним из центральных: что значит быть шведом в Америке?

В 1900 году появился сборник рассказов, озаглавленный «В Шведской Америке»⁴. Это одно из первых упоминаний названия «Шведская Америка» для обозначения шведского культурного присутствия в США. Его появление отразило процесс формирования особой эмигрантской этнической идентичности, который шел на разных уровнях: от обыденного (пищевые привычки, народные традиции, праздники, дружеские и брачные связи, то есть поведенческие паттерны, которые вырабатывает повседневность) до «высокого» (к которому относится конструируемая или изобретаемая национальная идентичность, формируемая культурной элитой).

Совершенно очевидно, что шведские эмигранты первого поколения, занимавшиеся изучением/написанием истории, считали ее важнейшим фактором, определяющим формирование коллективного самосознания, и верили в то, что у шведов, живущих в Америке, важно воспитывать историческое самосознание определенного рода. С собой из Европы они принесли свойственную большей части тогдашней западной историографии идею о том, что история означает прежде всего национальную историю, историю развития западной политической системы и отдельных государств, а также расхожее убеждение, что все общества основаны на некоей скрепляющей идее, в которую встроена идея государственности (феодальной, династической, национальной). Государственность — своего рода венец истории, кульминация всего предшествующего развития и «высшее благо». Эти идеи стали основой того исторического нарратива, который создавали такие эмигрантские историки, как Ю. Эндер, и который стал частью диспорного мифа о родине. На этом комплексе идей начали выстраиваться и идентичность американцев шведского происхождения, и, что более важно в нашем контексте, самописание складывавшейся диаспоры.

В результате были созданы многочисленные исторические общества, самым известным из которых следует признать Шведское историческое общество в Америке (1905–1920)⁵. На первый взгляд это был не вполне удачный опыт — и по продолжительности существования, и по количеству членов (которых было не более 500). Но историографическое наследие,

оставленное Шведским историческим обществом, нельзя недооценивать. Оставленные им исследования и публикации, подготовленные его участниками и преемниками, оказывают неоценимую помощь в понимании природы того историографического нарратива, который создавался в диаспоре.

Представляя собой фактографические по характеру и описательные по стилю повествования об опыте отдельной этнической группы, эти исследования обычно сосредоточивали внимание на роли этнических лидеров и институтов, но крайне редко говорили об отношениях между элитой и рядовыми эмигрантами. Совершенно не изучались запутанные внутригрупповые структуры и отношения, а также отношения с другими иммигрантскими группами. Они не ставили перед собой такой цели. В условиях двунаправленного сложного процесса возникновения/конструирования нового рода этнической идентичности иммигрантских сообществ в намерения авторов входило прежде всего формирование мировоззрения читателей.

В подавляющем большинстве эти публикации были посвящены заслугам шведов в строительстве нового общества и героизму эмигрантов⁶. Их авторы воспевали вклад шведских эмигрантов в американскую экономику, социальное и культурное развитие страны, а также их усилия по сохранению родного языка и культуры. Сквозными мотивами стали гордость, преданность и жертвенность. Тексты создавали модели патриотизма, смелости и самоотверженности. Чертой исторического нарратива диаспоры стал его перечислительный, оценочный характер. Эта тенденциозность фокусировалась на шведском национально-государственном развитии и национальных героях, шведском фольклорном каноне (в значительной степени вымышленном). При изобилии оценок ей явно недоставало интерпретаций.

Показателен рассказ о Джоне Эрикссоне⁷ (избранном диаспорной историографией на роль культурного героя) в одном из эмигрантских альманахов: «Ничто не раздражало его больше, чем когда приходивший к нему [в Америке] швед начинал говорить по-английски». Редакционный комментарий гласил: «Этот рассказ выявляет главные убеждения Эрикссона и показывает нам, каких идеалов следует придерживаться шведским американцам, — следует проявлять глубочайшую преданность новой родине и быть готовым — не только ради выгоды — отдать все силы и способности ей на службу; но в то же время нужно хранить любовь к родине и с гордостью никогда не скрывать свою шведскость»⁸.

Таким образом, сложилась так называемая *филоплетистская модель*⁹ исторического нарратива — апологетическая, героцентричная, сосредоточенная на достижениях отдельной этнической группы. На ее основе, за ред-

кими исключениями, строились изучение, преподавание и представление об истории в шведской диаспоре в первой половине XX века.

Следует отметить, что во многом филопиелизм диаспорной историографии стал ответом на герметичность официального англо-американского исторического нарратива (практически не бравшего в расчет неанглоязычных американцев). Иммигрантские сообщества были полны решимости сформировать такой образ собственного добродетельного и героического прошлого, которое обеспечило бы им одобрение и принятие со стороны новой родины. В результате была создана модель истории шведской Америки, подчеркивающая шведские добродетели, но прочно вписывающая их в американский контекст.

Поэтому неслучайно ведущим способом описания процессов взаимодействия иммигрантских общин с принимающим сообществом стал *ассимиляционизм*. Работы, посвященные опыту иммигрантов, обычно концептуализировали его в понятиях ассимиляционных процессов, в рамках которых различия, свойственные иммигрантской культуре, со временем преодолевались до той степени, пока группа не становилась неотличимой от остального общества: «Шведские иммигранты шли разными путями, получали разные профессии, становясь все более и более похожими на своих американских соседей. Становится все труднее выделить их из остальной массы американцев, вышедших из того великого плавильного котла, которым стала Америка»¹⁰.

Пожалуй, самой ранней работой, выполненной в подобном ключе, следует признать книгу К. Бэбкока «Скандинавский элемент в Соединенных Штатах» (1914)¹¹. Она стала своего рода манифестом, воспевающим добродетели скандинавов, выделяющим в качестве главных такие черты национального характера, как бережливость, предприимчивость, любовь к приключениям, ненависть рабства, ясные представления о политической и личной свободе. По мнению Бэбкока, все это сближало с американцами скандинавских иммигрантов в большей степени, чем любую другую иммигрантскую группу¹².

Ассимиляционизм сохранял свое влияние как на шведско-американскую, так и на собственно шведскую историографию вплоть до конца 1950-х годов, проявляясь, к примеру, в трудах одного из самых плодовитых авторов шведской Америки — А. Бенсона. Так, в работе «Ассимиляция шведов в Америке» (1956) он указывает следующие причины быстрой ассимиляции шведских иммигрантов в США:

- 1) исторически унаследованное миролюбие и способность уживаться с любимыми соседями;
- 2) интернационализм;
- 3) культурная и идейная близость к англоязычному миру;
- 4) ум, любознательность, грамотность;
- 5) врожденные качества характера и практические навыки, подходящие для американского образа жизни;
- 6) решимость навсегда покинуть Швецию и обрести в Америке новый дом;
- 7) гордость и чувство, что по эгоистическим и альтруистическим причинам он должен ускорить процесс американизации¹³.

В историческом нарративе диаспоры ассимиляционизм поразительным образом уживался с филопиезмом (несмотря на то что некоторые исследователи считают их конфликтующими тенденциями в развитии диаспорной историографии). «Швеция была родиной свободы, — провозгласил Дж. С. Карлсон, профессор скандинавских языков Университета Миннесоты. — Шведский язык нужно сохранять в Америке, потому что он является воплощением той свободы. Шведским эмигрантам не нужна американизация, потому что они были американцами еще до своего прибытия в США!»¹⁴

Историки Г. Стефенсон, К. Петерсон и Э. Стомберг верили, что есть некая «хорошая версия» истории, что эмигранты могут любить свою историческую родину, сохранять родной язык и культуру, оставаясь при этом «хорошими американцами». Формируя этнокультурное самосознание «шведского американца», основанное фактически на тройственной идентичности — шведской, американской и специфической диаспорной (шведско-американской), они в то же время осознавали преходящий характер этой тройственности. Но в конце концов история — это повествование о переменах: останутся Швеция и Америка, но со временем «Шведская Америка» прекратит свое существование.

Таким образом, на начальном этапе складывания историографии трансатлантической эмиграции ключевыми ее чертами — как в метрополии, так и в диаспоре — стали (пусть по-разному воплощаемые) национализм, филопиезм (мотив потерь в собственно шведской историографии следует признать своеобразным выражением того же филопиезма) и ассимиляционизм.

Середина века, а точнее 1950-е — начало 1960-х годов, стала переходным временем для историографии шведской эмиграции как в метрополии, так и в диаспоре. Это определялось целым рядом факторов.

Во-первых, определенные предпосылки для перехода к новому этапу историописания вызревали в самой диаспоре. Следует отметить, что первые нарративы переходного типа стали создаваться в диаспорной историографии еще в 1920–1930-е годы. Это было связано с появлением небольшой группы профессиональных историков (традиционно упоминают четверых: Г. Стефенсона, М. Л. Хансена, Т. Блегена и К. Витке), которые в тот период «спасли историю иммиграции от филопиелистов»¹⁵ и сделали ее признанным направлением исторических исследований. Американцы во втором поколении, выросшие в семьях эмигрантов, но получившие образование в Гарварде и других университетах, волей-неволей начали заполнять лауну между разными подходами к назначению исторического нарратива. Сыновья историков первого поколения уже хотели писать об иммигрантской истории скорее с профессиональной объективностью, чем с упором на сентиментальность. Сочетая «осторожный филопиелизм» с более или менее академической версией ассимиляционизма, они пытались применить «стандарты объективного исторического исследования» к изучению иммиграции и обращать внимание не только на «достижения» этнической группы.

Однако в межвоенный период подобные тексты были скорее исключением, а их авторы — одиночками, ощущавшими свое отчуждение от шведско-американского иммигрантского сообщества. Противоречия между профессиональным и этническим, различными версиями истории, а в результате — между разными лояльностями были постоянным источником тревоги для профессиональных ученых и носителей эмигрантской идентичности.

Вторым фактором стал рост общественного интереса к феномену «Шведской Америки» в самой Швеции (как уже отмечалось, ранее внимание сосредоточивалось в основном на причинах и условиях выезда). Причем рост этого интереса во многом был связан с распространением художественных текстов о жизни иммигрантов в США. Так, в 1950-е годы бестселлерами в Швеции стали повести из цикла о Карле Оскаре и Кристине В. Муберга: «Эмигранты» (1949), «Иммигранты» (1952), «Последнее письмо домой» (1959).

Муберг изобразил то, что можно назвать архетипическими образами шведских эмигрантов: разорившийся фермер, его жена и дети, которые ищут землю и кров в Новом Свете; религиозный бунтарь, жаждущий свободы вероисповедания; изгой, надеющийся на общественное принятие; авантюрист, готовый отправиться на поиски золота. В своей особой мане-

ре, звучащей как эхо викинговских саг, лаконичной, суровой, суховатой, он воссоздал центральный миф шведской эмиграции и сделал известным его в метрополии. Повести Муберга вызвали в общественном сознании волну интереса к истории эмиграции.

Наконец изменилась историографическая ситуация в американской и западноевропейской исторической науке. Происходит постепенный отказ от ассимиляционизма и метанарратива, сосредоточенного на англоязычной Америке. Кульминацией и окончанием ассимиляционного тренда становится работа М. Гордона¹⁶, вышедшая уже в разгар «черной революции» шестидесятых, которая впервые поставила вопрос о плюрализме в американском обществе. Если говорить о шведской историографии, то этот переход виден в работе Л. Лjungмарка «Великий исход»¹⁷, где еще присутствует ассимиляционистский дискурс, но «американизации» как таковой посвящена только одна страница.

Следует отметить, что поддержанию интереса к истории эмиграции и диаспор в США способствовал еще один фактор — в США смена поколений привела к появлению «синдрома корней» (феномен, заключающийся в росте интереса к собственному наследию и отмечавшийся еще Хансеном у третьего поколения иммигрантов)¹⁸.

Параллельно с этим появляются исследования, перевернувшие представления об истории эмиграции и иммигрантских сообществ в США. Прежде всего это работы последователей Ф. Дж. Тернера о феномене границы. Сопоставим с ними по значимости доклад «Трансатлантическая эмиграция из Европы в XIX–XX веках», сделанный Фр. Тистлтвейтом в 1960 году на XI Международном историческом конгрессе в Стокгольме¹⁹. Эти работы стали катализаторами формирования целого поколения исследователей истории эмиграции не только в США, но и в других странах. Можно сказать, что многие проекты, в том числе шведские (Упсальского университета «Швеция и Америка после 1860 года»), были вдохновлены интерпретацией, данной Тистлтвейтом трансатлантической эмиграции.

Таким образом, в 1960-е годы наступает новый этап в изучении трансатлантической эмиграции, характеризующийся интенсивным диалогом между собственно шведской и шведско-американской историографиями при переходе инициативы в руки профессиональных историков Швеции — как в области сохранения и введения в научный оборот новых источниковых материалов, так и в сфере академических исследований.

Подводя его итоги, американский исследователь А. Бартон отмечал, что ни один период в изучении истории шведской эмиграции не был столь пло-

дотворен, как те двадцать лет, которые предшествовали 1978 году²⁰. Высокая оценка, данная Бартоном этому двадцатилетию, основывалась прежде всего на результатах деятельности исследовательских учреждений в самой Швеции, где возобновленный интерес не только оживил исследования, но и привел к их институционализации. В Швеции были созданы Эмигрантский институт в Вэксё и Центр (Emigrant Register) в Карлстаде. Эмигрантский институт, например, к тому времени практически завершил проект по выявлению и микрофильмированию более 1500 шведско-американских церковных архивов.

Но, безусловно, самым масштабным стал исследовательский проект «Швеция и Америка после 1860 года», который с 1962 по 1976 год реализовывался историческим факультетом университета Уппсалы и превратил его в ведущий европейский центр изучения эмиграции. В Уппсале суммировали результаты количественного изучения демографических и социальных параметров массовой эмиграции из Швеции. Этот анализ включал сравнительное изучение эмигрантских сообществ Чикаго и аграрных регионов Висконсина, а также изучение шведско-американской этничности в Иллинойсе и Миннесоте. Под руководством С. Карлссона в рамках проекта появилось более 25 диссертаций и других исследований, кульминацией которых стал выход тома под редакцией Х. Ранблома и Х. Норманна «Из Швеции в Америку»²¹.

Анализируя деятельность этих институтов, можно выделить четыре основных направления исследований:

- 1) причины эмиграции из Швеции в США, шведская эмиграционная политика, поток эмигрантов;
- 2) начальный этап расселения и процесс формирования городских и сельских сообществ;
- 3) культурная и политическая жизнь иммигрантов, участие в политической жизни, литература и пресса;
- 4) источниковедческие исследования.

Уже одно их упоминание показывает соединение интересов, свойственных историографиям метрополии и диаспоры. На новый уровень вышли количественные исследования (чему впоследствии способствовало применение компьютерных технологий). Введение в научный оборот устных источников, массива эмигрантской переписки, обращение к художественной литературе и публицистике как к историческим источникам позволили изменить характер качественных исследований (блестящим примером стала

работа норвежско-шведско-американской исследовательницы Д. Бартон Скордал²²).

Образцом системного интегративного исследования времени, пространства и культуры стало исследование Р. Остергрена²³. Углубившись в богатейшие источники локальной истории, Остергрэн (специалист по культурной географии) дал полное описание социальной и экономической жизни в одной шведской области в разгар трансатлантической эмиграции. Он соединил религиозные разногласия и общественный протест; исследовал систему землевладения, паттерны наследования, брак, семью и рождаемость, показав, каким образом они влияли на мотивы и характер эмиграции.

Важные концептуальные изменения: исследователи обратили внимание на саму идею «Шведской Америки» как на идею своего рода реплики старой родины. Изучение иммигрантского опыта развернулось уже в категориях не ассимиляционизма, но сохранения и поддержания этничности.

Но привел ли этот интенсивный диалог к формированию единого нарратива историков метрополии и диаспоры?

Можно отметить, что предпосылки для формирования такого нарратива, безусловно, сложились. Это сближение диаспорной и собственно американской историографий, с одной стороны, и шведской и американской историографий — с другой, на основе принципов академизма, а также общности интересов и направлений концептуального развития.

В 1998 году, подводя итоги вековому изучению эмиграции, филолог-скандинавист, президент Ассоциации американских университетов Н. Хасельму отмечал следующие суммарные достижения:

1) скандинавская эмиграция помещена в контекст социально-экономической жизни Северной Европы, других иммиграционных потоков в США;

2) исследователи стали лучше понимать динамику формирования иммигрантских сообществ, включая перенос шведских традиций сельской жизни на американскую почву и заимствование американских паттернов;

3) хорошо изучена роль печатного слова и языка в целом в формировании эмигрантской идентичности;

4) состоялось глубокое осмысление эмигрантского опыта через изучение сообществ, организаций и отдельных личностей²⁴.

Однако сохранявшийся национализм не мог не приводить к возникновению парадоксальных препятствий на пути складывания единого историографического пространства.

Одним из них стало представление о «разных шведах» (в метрополии и диаспоре) и соответственно о разных, зачастую соперничающих между собой историографических традициях в изучении иммиграции. Еще в конце 1970-х годов при характеристике изучения шведской эмиграции в Швеции и США часто звучали оценки, позволяющие сделать вывод о наличии конкурентного дискурса. В частности, отмечалось, что по завершении шведских проектов (уппсальский проект подошел к концу в 1976 году, а в 1978 году прекратилось финансирование микрофильмирования, проводимого Эмигрантским институтом) следует ожидать и приветствовать переход инициативы к шведско-американской историографии. Заслуживает внимания в этом плане замечание шведско-американского историка У. Бейбома: «Без доминирования Швеции исследования, наконец, переключатся с вопросов фона эмиграции на проблемы, касающиеся жизни самих эмигрантских сообществ»²⁵.

Тем не менее 1990-е годы дали новый импульс развития единого исторического нарратива о диаспоре. Связано это с концептуализацией феноменов трансграничности и транснациональности истории эмиграции и диаспор²⁶, что стало важным шагом на пути преодоления национализма. В этом контексте заслуживают отдельного упоминания перспективные исследования «скандинавов» и, шире, «северян» в эмиграции. Изучение взаимодействия разных групп скандинавов между собой, дискуссии вокруг идеи об общескандинавской идентичности в эмиграции стали основой для исследований «диаспорного скандинавизма», они открывают новые возможности не только для более глубокого понимания природы феномена скандинавской эмиграции, но и для становления в этой сфере исторического нарратива качественно нового типа — *транснациональной историографии*.

¹ *Hildebrand K.-G.* Opportunities in the Study of the Swedish immigration As Seen from Sweden // *Swedish-American Historical Quarterly*. 1962. Vol. XIII: 2. P. 47.

² *Мелин Я., Юханссон А. В., Хеденборг С.* История Швеции. М., 2002. С. 203.

³ *Emigrationsutredningen / Avgift av G. Sundbärg.* Stockholm, 1907–1914. Vol. 1–20.

⁴ *Person J.* I Svensk-Amerika: Berättelser och skisser. Worcester, 1900.

⁵ См.: *Beijbom U.* The Historiography of Swedish America // *Swedish-American Historical Quarterly*. 1980. Vol. XXXI: 4. P. 257–285; *Blanck D.* History and Ethnicity: The case of the Swedish Americans // *Swedish-American Historical Quarterly*. 1995. Vol. XLVI: 1. P. 58–74.

⁶ Во вступлении к одной из книг прямо указывалось, что ее «главная цель... — запечатлеть память о славных сынах Швеции» (*Ottey A. The Swedish race in America. Philadelphia, 1940. P. 5*).

⁷ Эрикссон Джон (1803–1889) — шведско-американский инженер и изобретатель.

⁸ Цит. по: *Nordstrom B. J. Dead Uncertainties: Swedish Americans Teaching, Writing and Reflecting Their History // Swedish-American Historical Quarterly. 2006. Vol. LVII: 4. P. 232–233*.

⁹ Филопиетизм (*filopietism* — чрезмерное почитание предков) — термин, принятый в современной историографии для обозначения совокупности апологетических подходов к родной истории, характерных, как правило, для непрофессиональных исторических сочинений.

¹⁰ *Peterson C. Swedish Contributions to American Life. Northfield, 1949. Part 1. P. 1*.

¹¹ *Babcock K.C. The Scandinavian Element in the United States. Urbana; Illinois, 1914*.

¹² *Idem. P. 179*.

¹³ *Benson A. B. The Assimilation of Swedes in America // Swedish-American Historical Quarterly. 1956. Vol. VII: 4. P. 143*.

¹⁴ Цит. по: *Hasselmo N. Fifty Years: In Search of the Immigrant Experience. On the Occasion of the 50th Anniversary of the Swedish Pioneer Historical Society / Swedish-American Historical Society // Swedish-American Historical Quarterly. 2001. Vol. LII: 1. P. 17*.

¹⁵ См., например: *Barton A. Clio and Swedish America: Historians, Organisations, Publications // Perspectives on Swedish Immigration: Proceedings of the International Conference on the Swedish Heritage in the Upper Midwest / Ed. by N. Hasselmo. Chicago, 1978. P. 3–24*.

¹⁶ *Gordon M. Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion and National Origins. N.Y., 1964*.

¹⁷ *Ljungmark L. Den stora utvandringen: Svensk Emigration till USA 1840–1925. Stockholm, 1965*.

¹⁸ «Третье поколение иммигрантов стремится вспомнить то, что второе стремилось забыть» (Цит. по: *Lovoll O. S. A Chair in Scandinavian-American Studies: Speech of November 7, 1992*).

¹⁹ *Thistlethwaite F. Migration from Europe Overseas in the Nineteenth and Twentieth Centuries: Report at the XI International Congress of Historical Sciences. Stockholm, 1960 // New Perspectives on the American Past / S. N. Katz, S. L. Kutler (ed.). Little Brown, 1969. Vol. 2. P. 32–54*.

²⁰ The Editor's Corner: Where Do We Now Stand? // *Swedish-American Historical Quarterly. 1978. Vol. XXIX: 1. P. 159–161*.

²¹ From Sweden to America: a History of the Migration / H. Ranblom, H. Norman (eds.). Uppsala; Minneapolis, 1976.

²² *Skårdal D.* The Divided Heart: Scandinavian Immigrant Experience through Literary Sources. Lincoln, 1974.

²³ *Ostergren R. C.* A Community Transplanted: The Trans-Atlantic Experience of a Swedish Immigrant Settlement in the Upper Middle West, 1835–1915. Madison, 1988.

²⁴ *Hasselmo N.* Fifty Years: In Search of the Immigrant Experience. On the Occasion of the 50th Anniversary of the Swedish Pioneer Historical Society / Swedish-American Historical Society // Swedish-American Historical Quarterly. 2001. Vol. LII: 1. P. 14–26.

²⁵ *Beijbom U.* Swedish-American Research: Its Standing Today and Perspectives for Tomorrow // Swedish-American Historical Quarterly. 1983. Vol. XXXIV: 2. P. 170.

²⁶ *Tyrrel I.* What Is a Transnational History? A paper given at the Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociale, Paris, in January 2007. URL: <http://iantyrrell.wordpress.com/what-is-transnational-history/> (дата обращения: 04.04.2011).